

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

Научная статья / Research article

Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика

С.Н. Брежнева

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10,
brezhneva_s_n@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург как средство коммуникативного контакта российской власти с мусульманской элитой. Подчеркивается, что подарки, награды и пышные приемы являлись способом психологического воздействия на эмира и хана. Коммуникативные приемы во время визитов среднеазиатских правителей создавали условия для инкорпорирования мусульманской элиты в российское общество. В результате постепенного изменения взаимоотношений с протекторатами в высших эшелонах власти Российской империи созрел план присоединения данных территорий. Однако из-за противодействия МИДа, являвшегося давним соперником военного министерства в обсуждении среднеазиатских тем, было принято решение об отсрочке данного мероприятия. Во многом российское правительство само создало ситуацию, когда правители протекторатов получили большие полномочия, превышающие статус даже туркестанского генерал-губернатора. Это позволило им считать себя независимыми правителями. К тому же разница менталитета, конфессий и коммуникативной политики приводила к обособлению протекторатов от Российской империи и толкала их в объятия противников России в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Русские протектораты, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Санкт-Петербург, визиты, коммуникативные приемы, подарки, награды, титулы

Для цитирования: *Брежнева С.Н.* Визиты правителей среднеазиатских протекторатов России в Санкт-Петербург на рубеже XIX–XX вв.: коммуникативная практика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 3. С. 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice

Svetlana N. Brezhneva

Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
10, Petersburgskoe Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia,
brezhneva_s_n@mail.ru

Abstract: This article considers the visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg as a means for the imperial authorities to communicate with the Muslim elite. It argues out that gifts, decorations and lavish receptions were all means to exert psychological pressure on the Emir of Bukhara and the Khan of Khiva. Together with other practices, these were meant integrate the Muslim elite into Russian society. As relations with the protectorates evolved, the Russian government developed

© Брежнева С.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

a plan to annex them. However, the ministry of foreign affairs effectively blocked the move. At the same time, St Petersburg accorded extensive powers to the protectorates' rulers that even exceeded those of Turkestan's governor-general, encouraging them to consider themselves to be independent rulers. At the same time, differences in outlook, faith, and ways to communicate led the protectorates to separate themselves from the Russian Empire and drove them into the arms its enemies during World War I.

Keywords: Russian protectorates, Bukhara Emirate, Khiva Khanate, Saint Petersburg, visits, communication techniques, gifts, awards, titles

For citation: Brezhneva, Svetlana N. "The visits of the rulers of Russia's Central Asian protectorates to St. Petersburg at the turn of the 20th century: communicative practice." *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 411–425. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-3-411-425>

Введение

В 70-х годах XIX в. в основном было завершено присоединение среднеазиатских территорий к Российской империи. Вслед за созданием Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. был установлен российский протекторат над бухарскими и хивинскими землями. Согласно договору с Бухарским эмиратом от 23 июня 1868 г. эмир отказывался вести дипломатические сношения с другими странами, кроме России¹. А по «договору о дружбе», подписанном в Шахрисябсе 24 сентября 1873 г., российское правительство должно было иметь в Бухаре своего политического представителя, без согласия которого эмир не мог решать ни внутренние, ни внешнеполитические вопросы².

Аналогично с Хивой 12 августа 1873 г. после капитуляции хана Мухаммада Рахима II был заключен Гендемианский (Гендумянский) договор, по которому хивинский хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского» и отказывался от непосредственных сношений с соседними владетелями и ханами, от заключения с ними торговых договоров без ведома и разрешения высшей русской военной власти в Туркестане³.

Несмотря на то, что правовой статус этих территорий как протекторатов не был закреплен в законодательных документах, отношение к владетелям этих земель со стороны Российской империи позиционировалось как к подданным.

Проблеме взаимоотношений Российской империи с ее протекторатами посвящено немало исследований. Они касаются различных аспектов, написаны в разные периоды развития исторической науки – дореволюционный⁴, советский⁵ и современный⁶, в связи с чем точки зрения авторов на происходящие процессы в про-

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.147. Оп. 485. Д. 298. Л. 49.

² Там же. Д. 301. Л. 16.

³ Гендемианский мирный договор между Россией и Хивой // Под стягом России: сб. архивных документов. М., 1992. С. 348–351.

⁴ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875; Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. СПб., 1911. 340; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

⁵ Рябинский А.М. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. // Историк-марксист. 1941. № 4. С. 3–25; Фиолетов И. Бухарское и Хивинское ханства и отношения их с Россией // Исторический журнал. 1941. № 3. С. 68–79; Погорельский И.В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX начала XX вв. (1873–1917). Л., 1968; Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX – начале XX в. М., 1969; Он же. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974; Он же. Россия и Бухарский эмират на западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М., 1975; Арапов Д.Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. М., 1981.

⁶ Никитенко Г.Н. Хива под протекторатом Российской империи // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 7–8. С. 30–41; Егоренко О.А. Зарубежная историография англо-русского противоборства в Бухарском эмирате до и после установления Российского протектората // Омский научный вестник. 2007. № 2. С. 20–24; Брежнева С.Н. Бухарский эмират периода протектората России в трудах ученого-востоковеда Д.Н. Логофета // Вестник Костромского государственного университета имени

текторатах и взаимоотношения с Российской империей отличаются между собой. В данных работах коммуникационная практика, сложившаяся в результате визитов бухарской и хивинской элиты в Российскую империю, затрагивалась лишь частично. Наиболее близкими нашему исследованию являются монография Р.Ю. Почекаева⁷, где рассматривается влияние личностного фактора на взаимоотношения между Российской империей и ее протекторатами, и статья С.В. Дмитриева⁸, посвященная подаркам бухарского эмира во время его визитов в Санкт-Петербург как средству коммуникативного воздействия на русскую элиту.

Между тем коммуникативные приемы являлись важной частью взаимоотношений между Российской империей и ее протекторатами во время визитов правителей Бухары и Хивы в Санкт-Петербург. Визиты дают возможность проследить за видоизменением коммуникативных практик, а в итоге, – выяснить отношение к главам протекторатов, уточнить их правовой статус в Российской империи.

Наша работа построена на анализе архивных документов, отложившихся в Российском государственном историческом архиве и отражающих визиты правителей российских протекторатов в столицу Российской империи – Санкт-Петербург. Документы дают возможность проследить за выстраиванием и изменением взаимоотношений между Российской империей и ее протекторатами на протяжении более 30 лет – с 80-х годов XIX в. до начала Первой мировой войны.

Визиты эмира Бухарского в Санкт-Петербург в 80-е годы XIX – начале XX в.

В 70-х годах XIX в. анализ обмена дипломатическими посольствами между Бухарским эмиратом и Российской империей дает основание убедиться в изменении церемониала встречи высокопоставленных гостей в связи с изменившимся статусом главы Бухары.

После подписания договора «о дружбе» 1873 г. русских представителей, даже тех, кто не имел официального статуса, а являлся просто путешественником, в Бухаре встречали очень торжественно: сам эмир Музаффар (1860–1885) «сниходил» до личной аудиенции. Вероятно, причиной такого поведения эмира было опасение, что российские власти могут принять решение о присоединении бухарских территорий к Российской империи⁹. Однако со временем, убедившись в беспочвенности подобных убеждений, эмир стал вести себя иначе, надменностью подчеркивая превосходство своей «царственной особы». Его преемники Сейид Абдул-Ахад (1885–1910) и Сейид Алим-хан (1910–1920) продолжили соблюдение данной традиции.

Эмир Музаффар, являвшийся четвертым эмиром из династии Мангытов, вероятно, никогда не был в России. Время правления Музаффара (1860–1885) было наполнено судьбоносными событиями для Бухарского эмирата. Он потерпел пора-

Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 12–17; *Уразметов М.Т.* Вынужденный компромисс хана Хивинского (конец XIX в.) // Молодой ученый. 2013. № 12. С. 766–767; *Перевезенцева Т.В.* Бухарский эмират под протекторатом Российской империи (конец XIX – начало XX века) // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань май 2015 г.). Казань, 2015. С. 13–18; *Почекаев Р.Ю.* Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184; *Он же.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // Восточный архив. 2017. Вып. 1 С. 21–30.

⁷ *Почекаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начало XX в. М., 2017.

⁸ *Дмитриев С.В.* «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.П. Рахимова. СПб., 2008. С. 117–129.

⁹ *Почекаев Р.Ю.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // Восточный архив. 2017. Вып. 1 С. 21–30.

жение в войне с Россией, проиграв одно за другим несколько сражений и сдав главный город страны – Самарканд, в результате чего над Бухарским эмиратом был установлен русский протекторат.

В 1883 г. эмир Музаффар был награжден российским орденом Святой Анны I степени, украшенным бриллиантами, что явилось ответным жестом со стороны императора Александра III на пожалование ему ордена Восходящей звезды Бухары. В Бухару награда была доставлена специальным посольством во главе с генерал-майором князем Ф.А. Витгенштейном. Дипломат В.В. Крестовский, находящийся в составе делегации, оставил яркое описание как внешности эмира, так и сдержанности приема, дав ему свое объяснение¹⁰.

Из всех трех эмиров на долю Сейид Абдул-Ахада (в русских источниках Сеид-Мир-Абул-Ахад) приходится большая часть визитов в Российскую империю. Эмир был довольно образованным человеком, полиглотом, немного знал и русский язык. Впервые он посетил Санкт-Петербург в 1883 г., когда официально был признан Александром III наследником бухарского престола. Об этом имеется свидетельство военного министра П.С. Ванновского в письме министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову, в котором он пишет, что «Сейид Абдул-бей... представлял тогда на коронации (Александра III) покойного эмира»¹¹.

Эмиром Сейид-Абдул-Ахад был провозглашен после смерти своего отца Музаффара в октябре 1885 г. Первый официальный визит Сейид Абдул-Ахада «как владельца Бухары», в Российскую империю состоялся в 1893 г.¹² Этому событию предшествовал прием бухарского посольства российским императором Александром III 25 марта 1889 г. Члены посольства присутствовали на церковном параде и получили подарки на сумму 23 тысячи рублей, отпущенные из государственного казначейства. Кроме того, эмиру были пожалованы бриллиантовые знаки ордена Белого орла. В справке, написанной военным министром П.С. Ванновским и прикрепленной к письму, адресованному министру императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову, был представлен список вещей, подаренных эмиру, его сановникам, лицам, составляющим посольство и слугам «по принятому обычаю одаривать среднеазиатские посольства, прибывающие по разным случаям»¹³. Список подарков впечатляет. Бухарскому эмиру – 18 наименований, в т.ч. парчовый халат, бархатный халат, бархатная шуба, серебряный чайный сервиз с позолоченными орлами и т.п. Для посланца эмира Джан Мирзы бея Перваначи – 9 наименований, для старшего советника посольства Мирзы Насрулла бея – 7 наименований. Не были забыты свита, прислуга и конюхи¹⁴.

Вообще визит эмира был назначен и утвержден российским императором на июль 1892 г. Шла подготовка. Генерал-губернатором Туркестанского края бароном А.Б. Вревским были отправлены телеграммы о желании эмира, собиравшегося прибыть вместе с сыном, после Петербурга посетить Тифлис и Владикавказ, а также о количестве человек, следовавшим вместе с ним. Эмиром были подготовлены подарки в Петербург – 30 лошадей при 15 конюхах. Велась обширная переписка между военным министром П.С. Ванновским, министром императорского двора И.И. Воронцовым-Дашковым и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества Н.С. Петровым по согласованию маршрута следования эмира. Сейид Абдул-Ахада ожидали в Петербурге 12–15 июля 1892 г. Однако ввиду разразившейся в

¹⁰ *Крестовский В.В.* В гостях у эмира бухарского. СПб., 1887. С. 134–136.

¹¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 23 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 901. Л. 1–2.

¹⁴ Там же. Л. 3–5.

Средней Азии холерной эпидемии «император выразил желание, чтобы эмир отложил свою поездку до более благоприятного времени»¹⁵.

В результате эмир отправился в путешествие из Бухары 7 декабря 1892 г., о чем туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский сообщил военному министру П.С. Ванновскому¹⁶. В свою очередь Ванновский уведомил министра Императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова о маршруте следования эмира. Предполагалось, что эмир проследует в Баку, затем пароходом каспийской флотилии в Тифлис, Владикавказ, Рязань и Москву, после чего пребудет в Петербург. Для встречи эмира в Баку был откомандирован полковник Генерального штаба Д.В. Путята, на которого были возложены обязанности приема и размещения эмира. Общие заботы относительно пребывания эмира в Петербурге возлагались на заведующего Азиатской частью Главного штаба генерал-лейтенанта А.П. Проценко. Для представления эмира императору было задействовано министерство иностранных дел¹⁷.

17 декабря 1892 г. эмир Сейид Абдул-Ахад прибыл в Баку на пароходе, торжественно встреченный первыми лицами города и полковником Д.В. Путятой, который должен был его сопровождать до Петербурга. В доме Гасан-бека, где остановился эмир, ему нанес визит губернатор Бакинской губернии В.П. Рогге. По пути дальнейшего следования эмира его встречали вице-губернаторы, в Тифлисе эмир нанес визит Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметеву, после чего последний посетил эмира в Москве. Подробную запись о своем посещении Баку и Тифлиса Сейид-Абдул-Ахад оставил в своем дневнике¹⁸.

В Москве вначале предполагалось размещение эмира в одной из лучших гостиниц. Однако Д.В. Путята в телеграмме сообщил, что это было бы «крайне нежелательным» и предложил разместить его в Кремлевском дворце, что и было сделано¹⁹. В Большом Кремлевском дворце эмир проживал с 27 по 31 декабря 1892 г. Согласно подробному реестру, визит эмира в Москву обошелся казне в 3 тыс. 209 руб. 65 коп.²⁰

1 января 1893 г. эмир Сейид-Абдул-Ахад прибыл в Петербург по Николаевской железной дороге. На следующий день поступили подарки эмира царствующим особам. Дары были подробно описаны в журнале «Нива». Из них особенно выделялись сабля в золотых ножнах, осыпанных бриллиантами, предназначавшаяся в дар русскому императору, и сшитый сплошь из жемчуга зонтик для императрицы. Подробно расписывались лошади различных пород, предназначенные для подарков царской семье²¹. Забегая вперед, следует отметить, что в результате последующих визитов эмира в Санкт-Петербург в столице скопилось огромное количество дорогостоящих подарков. Некоторые из них пополнили музейные собрания, но в основном они скапливались во дворцах, принадлежащих царской фамилии²². Принято было одаривать также и чиновников самого различного ранга, в том числе находящихся в Туркестанском генерал-губернаторстве.

На страницах журнала «Родина» кроме описания визита и подарков эмира Бухарского был представлен словесный портрет «Его Светлости» (данный титул был

¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 15.

¹⁶ Там же. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 20–22.

¹⁸ Точный перевод дневника его светлости эмира Бухарского / пер. И. Гаспринского. Казань, 1894.

¹⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 29, 30.

²⁰ Там же. Оп. 17. Д. 238. Л. 1.

²¹ Подарки эмира Бухарского, поднесенные Государю Императору, Государыне Императрице и другим Членам Августейшего Дома // Нива. 1893. № 3. С. 74.

²² См.: *Дмитриев С.В.* «Бухарские подарки»: старинный восточный обычай в контексте российско-бухарских отношений конца XIX – начала XX в. // Рахмат-наме: Сб. статей к 70-летию Р.Р. Рахимова / Отв. ред. М.Е. Резван. СПб., 2008. С. 119.

пожалован эмиру в этом году): красиво сложенный брюнет, «с очень выразительным лицом и большой, черной, как смоль, окладистой бородой»²³. Сохраняя пиетет по отношению к высокопоставленной особе, журнал сообщал о том, что эмир, являясь поклонником русской культуры, переносит ее в свою страну. Он уничтожил невольничество, сократил армию, уничтожил тюрьмы и т.п. Все это, безусловно, являлось явным преувеличением.

Вместе с Сейид Абдул-Ахадом прибыл его двенадцатилетний сын Сейид Алим-хан, который по просьбе эмира и с согласия императора был официально признан наследником бухарского престола²⁴. Тот факт, что он был определен в Николаевский кадетский корпус, где обучался в течение трех лет, свидетельствует о постепенном инкорпорировании мусульманской элиты в российское общество. Будущий, последний эмир Бухары в совершенстве знал русский язык, во время учебы приобрел много друзей и знакомых среди детей высших чинов империи. По окончании учебы в апреле 1896 г. он был произведен в хорунжие с зачислением по Терскому казачьему войску и с присвоением звания «флигель-адъютант». В Бухару он вернулся с титулом Наследника Его Высочества Бухарского эмира.

Эмир был размещен в Зимнем дворце в покоях, которые до него занимал персидский шах. Чиновники были расквартированы по наемным помещениям²⁵.

Распространенной практикой было также и взаимное награждение орденами не только первых лиц государства, но и их родственников. Так, уже после завершения своего визита в Петербург, в октябре 1893 г. эмир Бухарский послал Великому князю Владимиру Александровичу (брату императора Александра III) бриллиантовые знаки бухарского ордена Короны с лентой, о чем сообщил в письме²⁶. Этот орден был учрежден Сейид Абдул-Ахадом в 1886 г., и присуждался как местным чиновникам, так и представителям русской администрации.

После смерти российского императора Александра III эмиру Бухарскому был пожалован портрет императора стоимостью 3 тыс. 992 руб. для ношения на груди. Его предполагалось доставить в Бухару с посланцем Астанкулом-бием-Диванбеги²⁷.

В 1896 г. эмир вновь посетил Санкт-Петербург по случаю коронации Николая II. В этот раз 12 мая 1896 г. император пожаловал Бухарскому эмиру титул «Высочество»²⁸. Поскольку хану хивинскому в это же время было пожаловано звание «Сиятельство»²⁹, можно заключить, что эмира расценивали в России, как более значимую фигуру, т.к. титул «Высочество» применяли только к принцам крови, а «Сиятельство» – к князьям и графам. Это обстоятельство позволяло Российской империи играть на чувствах правителей своих протекторов.

Ранее в 1894 г. был принят закон о включении Бухарского эмирата, равно как и Хивинского ханства, в единую с Российской империей таможенную черту, что предполагало будущую экономическую интеграцию с данными государствами при сохранении их юридической самостоятельности³⁰. На этот же период (1893 г.) приходится проведение денежной реформы в Бухарском эмирате, вызванной финансовым

²³ См. *Недвецкий А.Г.* Правители Бухары. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (дата обращения: 14.04.2021).

²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1036. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Ф. 528. Оп. 1. Д. 52. Л. 3 об.

²⁷ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 192. Л. 1, 4.

²⁸ Там же. Д. 732. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 4.

³⁰ См. *Почакаев Р.В.* Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2016. № 3. С. 181.

кризисом. Это побудило русское правительство настоять на переходе к чеканке бухарской танги с лигатурой, равной русскому двугривенному, что «будет равносильно полному монетному объединению с Россией»³¹, как писал в письме министру финансов туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский. Теперь эмир не имел права возобновлять чеканку танги без согласия туркестанского генерал-губернатора.

С этого времени отношения между Россией и среднеазиатскими территориями стали видоизменяться, обеспечивая империи большее влияние на внутреннее развитие ханств, что сказалось на отношениях между правителями государств.

В следующий раз эмир Сейид Абдул-Ахад посетил Россию летом 1898 г. В мае этого года военным министром А.Н. Куропаткиным было внесено предложение относительно сокращения подарков со стороны эмира туркестанскому генерал-губернатору. Однако, будучи знатоком среднеазиатских обычаев, А.Н. Куропаткин призывал действовать дипломатично, учитывая восточную психологию, чтобы не затронуть чувства эмира отказом³². Тем не менее в августе 1898 г. по ходатайству Куропаткина и с согласия императора было принято решение о прекращении посольств с подарками к туркестанскому генерал-губернатору³³. Эмир был поставлен в известность через политического агента в Бухаре. Однако подарки продолжали отправляться в Ташкент. На Санкт-Петербург и Россию в целом это решение не распространялось, и вопрос этот не обсуждался до 1910 г.

В 1898 г. на подарки эмиру и его сопровождающих было отпущено 7 тыс. 40 руб. из кабинета ЕИВ, в том числе медальон с портретом императора, украшенного бриллиантами для ношения на груди, для эмира на сумму 5 тыс. 815 руб.³⁴

Зимой 1902 г. эмира встречали с такой же пышностью, как и монархов иностранных государств. В Москве эмир пробыл с 6 по 9 февраля 1902 г., останавливался в Большом кремлевском дворце. Согласно ведомости Московского дворцового управления, для встречи эмира был открыт кредит в 900 руб. 38 коп. для оплаты по счетам³⁵. На пребывание эмира в Москве на обратном пути с 24 по 26 февраля испрашивалась сумма кредита в 870 руб. 05 коп.³⁶ За время пребывания эмира в Петербурге с 10 по 23 февраля из кабинета Его Императорского Величества было отпущено подарков на сумму 15 тыс. 019 руб., на счет военного министерства было отнесено чуть более двух тысяч рублей³⁷.

На оплату пребывания эмира со свитой и подарки средства изымались из канцелярии министра Императорского двора, занимавшейся обеспечением его деятельности, а также из кабинета ЕИВ, ведавшего личным имуществом императорской фамилии, а также из военного министерства. Если судить по переписке между ними, постоянно шли споры по поводу выделения необходимой суммы. Так, например, на просьбу военного министра в 1898 г. был получен категорический отказ от управляющего кабинетом Н.С. Петрова, который писал, что расходы на подарки в этот раз не могут быть отнесены на средства кабинета ЕИВ³⁸. Однако, согласно документам, средства все-таки были выделены.

В 1906 г. эмир прибыл в столицу 19 ноября около 8 часов вечера. По сложившейся уже практике его визиту предшествовали телеграммы туркестанского генерал-губернатора, составление списков прибывающих вместе с ним, включая политического агента в Бухаре действительного статского советника Я.Я. Лютша и военного

³¹ РГИА. Ф. 570. Оп.76. Д. 3565. Л. 4 об.

³² Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 175 об.

³³ Там же. Л. 176 об.

³⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 928. Л. 7.

³⁵ Там же. Оп. 14. Д. 1000. Л. 1.

³⁶ Там же. Л. 6.

³⁷ Там же. Оп. 8. Д. 928. Л. 2.

³⁸ Там же. Оп. 13. Д. 2239. Л. 2.

переводчика Д. Асфендиарова, а также переписка между ведомствами по поводу подарков, получаемых от эмира и вручаемых ему³⁹. В секретном письме военного министра генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера на имя управляющего Кабинетом ЕИВ князя Н.Д. Оболенского от 19 октября 1906 г. сообщалось о том, что в связи с неблагоприятной обстановкой в стране (вероятно, имелись в виду недавние революционные события) отнесение всех средств на встречу и подарки эмиру за счет казны могут вызвать нежелательные толки населения. Поэтому он высказывал предложение о внесении большей суммы на пребывание эмира из ведомства Кабинета, сократив при этом итоговую сумму до 25 тыс. рублей. Остаток, могущий образоваться в результате расходования средств, отнести в распоряжение Кабинета ЕИВ⁴⁰.

На сообщение князя Н.Д. Оболенского императору о предложении военного министра от 21 октября 1906 г., на подлиннике имеется запись: «Высочайшее соизволение последовало»⁴¹. Правда, Оболенский, вероятно, по собственной инициативе, снизил изначальную сумму до 20 тыс. руб. Из государственного казначейства на приезд эмира также были отпущены 20 тыс. руб.⁴² Подарки были вручены эмиру и сопровождавшим его лицам 27 ноября 1906 г. в Зимнем дворце⁴³.

Ранее, 22 ноября 1906 г., в Царскосельском Александровском дворце были вручены подарки эмира Сейид Абдул-Ахада царствующим особам⁴⁴. Вещи, поднесенные императору, должны были храниться в Эрмитаже, а подарки цесаревичу – в камеральной части Кабинета ЕИВ.

Накануне последнего приезда в Санкт-Петербург эмира Сейид Абдул-Ахада также обсуждались суммы, которые следовало отпустить на подарки. В послании военного министра генерала В.А. Сухомлинова министру императорского двора барону В.Б. Фредериксу от 1 декабря 1909 г. называется размер предполагаемой суммы в 15 тыс. руб. Сообщается также, что в предстоящий приезд предполагается преподнести эмиру оружие⁴⁵. Барон Фредерикс в свою очередь испросил у императора разрешение на отпуск кредита из Кабинета ЕИВ в 15 тыс. рублей, на что получил Высочайшее согласие⁴⁶. Таким образом, расходы на подарки постепенно сокращались.

В 1909–1910 гг. возобновилось обсуждение по поводу подарков эмира высокопоставленным чинам империи, начатое еще военным министром А.Н. Куропаткиным в 1898 г. 10–11 августа 1909 г. в Ташкенте под председательством туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова состоялось Совещание, на котором было высказано единодушное пожелание о запрещении принимать подарки⁴⁷. 28 января 1910 г. этот вопрос обсуждался уже на заседании Совета министров. На нем было отмечено, что подношения эмира Высочайшим особам имеют характер «как бы дани». Такую дань «токсан-тартук» по сложившемуся обычаю самому эмиру преподносят зависимые от него беки. В итоге было принято решение о нежелательности упразднить этот обычай, подчеркивавший зависимость эмирата от Российской империи⁴⁸.

Визит эмира в 1910 г. совпал с 25-летием его правления в Бухарском эмирате. В честь этого события эмиру был преподнесен бриллиантовый орел к цепи ордена Андрея Первозванного, образца для нехристиан, пожалованного эмиру в 1908 г.⁴⁹

³⁹ РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 288. Л. 38–39.

⁴⁰ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 928. Л. 1 об.

⁴¹ Там же. Л. 2 об.

⁴² Там же. Д. 1040. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 928. Л. 24.

⁴⁴ Там же. Л. 29.

⁴⁵ Там же. Д. 1040. Л. 1 об.

⁴⁶ Там же. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 193.

⁴⁸ Там же. Л. 177.

⁴⁹ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1040. Л. 15.

Специально для торжественного события был изготовлен нагрудный бриллиантовый знак для ношения на Андреевской ленте с цифрой «XXV». 8 февраля 1910 г. заведующий камеральной частью Кабинета ЕИВ гофмейстер Высочайшего двора докладывал о вручении подарков эмиру и его свите⁵⁰.

Этот визит эмира был ознаменован еще одним знаковым событием. Сейид Абдул-Ахад еще ранее испросил у русского правительства разрешения на постройку мечети в Санкт-Петербурге, пожертвовав 350 тыс. руб. на выкуп земельного участка для нее, и 100 тыс. на само строительство. Кроме того, им был организован сбор средств среди бухарских купцов для этой цели. Было собрано более 200 тыс. руб.⁵¹ Властями Санкт-Петербурга церемония официальной закладки мечети была приурочена к 25-летию юбилею правления эмира и состоялась в его присутствии 3 февраля 1910 г. Мечеть стала крупнейшей в Европе, и сегодня она является украшением северной столицы. Как было написано в известном петербургском издании «Нива»: «...эмир был совершенно счастлив и очень рад тому, как принимало его население Санкт-Петербурга. Уезжая, он заявил, что “в этот радостный для него, как мусульманина, день, жертвует 5000 рублей для бедных столицы”»⁵². На 159 странице издания была помещена фотография эмира в окружении мусульман столицы.

Закладкой мечети в Санкт-Петербурге эмир Сейид-Абдул-Ахад как бы поставил точку в своих деяниях в Российской империи. В ночь с 22 на 23 ноября 1910 г. он скончался в Кермине, о чем туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов немедленно доложил в Петербург, предварительно предложив наследнику эмира Тюрю-Джану Сейид-Мир-Алиму взять в свои руки бразды правления⁵³. Сам Сейид Мир-Алим в телеграмме императору сообщал о смерти отца и о том, что он, согласно указанию туркестанского генерал-губернатора, переданного через политического агента в Бухаре Я.Я. Лютша, «вступил во временное управление страной». Примечательна подпись: «флигель-адъютант Сейид-Мир-Алим». 25 декабря министр иностранных дел С.Д. Сазонов испросил разрешение у императора именовать нового эмира «Высочеством», на что Николай II ответил согласием. Эмир также выслал Я.Я. Лютшу 100 тысяч рублей и просил представить их в общество Красного Креста в память его покойного отца, «всегда сочувственно относившегося к нуждам сего общества»⁵⁴.

Уже 11 мая 1911 г. нового эмира принимали в Санкт-Петербурге. В апреле последовала традиционная переписка, начинавшаяся, как обычно, с телеграммы туркестанского генерал-губернатора, содержащей список сопровождающих эмира лиц. Согласно установленному порядку эмира должны были встречать в губернских городах администраторы и чины местной полиции. Из Оренбурга его сопровождали до столицы⁵⁵. Здесь визит эмиру должны были нанести все министры.

Ввиду издержек Кабинета ЕИВ было решено ассигновать на встречу эмира 15 тыс. рублей⁵⁶. В день Высочайшей аудиенции «Его Высочество эмир Бухарский, числящийся по Терскому казачьему войску, флигель-адъютант полковник Сейид-Мир-Алим был произведен в генерал-майоры с зачислением в свиту ЕИВ»⁵⁷. Кроме того, эмиру лично императором был вручен орден Белого Орла с бриллиантами⁵⁸.

⁵⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1040. Л. 24.

⁵¹ *Недveckий А.Г.* Правители Бухары. URL: <https://greylib.align.ru/410/a-g-nedveckij-praviteli-buxary.html> (дата обращения: 14.04. 2021)

⁵² Закладка мечети в Санкт-Петербурге // *Нива*. 1910. №8. С. 160.

⁵³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 225.

⁵⁴ Там же. Л. 229, 233, 243.

⁵⁵ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 8.

⁵⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 2–2 об., 10–10 об.

⁵⁷ Там же. Л. 13.

⁵⁸ Там же. Л. 21 об.

Следующий приезд эмира Сейид Мир-Алима в феврале 1913 г. был приурочен к празднованию 300-летия дома Романовых. Для этой цели был приглашен и хивинский хан. На встречу эмира было отпущено из Кабинета ЕИВ 15 тыс. руб., а хивинского хана – 10 тыс. руб.⁵⁹. В честь празднования выдающейся даты для эмира был изготовлен портрет императора, украшенный бриллиантами стоимостью 5 тыс. руб., который был доставлен для вручения в Зимний дворец 23 февраля в 10 часов утра⁶⁰. Двумя днями ранее 21 февраля в еще строившейся мечети в Санкт-Петербурге в присутствии Сейид Мир-Алима было совершено первое торжественное богослужение, приуроченное к празднованию 300-летия царской династии Романовых.

В последний раз эмир был в Санкт-Петербурге в 1915 г. 30 декабря он был произведен в генерал-лейтенанты по Терскому казачьему войску и назначен генерал-адъютантом. Тот факт, что на деньги эмира в Санкт-Петербурге для него был выстроен дом, свидетельствует о перспективе дальнейшего взаимодействия с Российской империей. Однако восстание в Средней Азии 1916 г., а затем и случившаяся в России революция положили конец дальнейшим официальным отношениям.

Визиты хивинского хана в Санкт-Петербург в конце XIX – начале XX в.

Политика России в Хивинском ханстве после заключения Гендумианского договора была аналогична той, которую проводила империя в других районах Средней Азии. Тем не менее, она имела ряд особенностей. До завоевания Хивы ханство оставалось потенциальным противником России. Еще свежи были в памяти жестокая расправа над отрядом А. Бековича-Черкасского в 1717 г. и неудачный поход оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского в 1833 г. Кроме того, Хивинское ханство открыто противостояло России. Хивинский хан Мухаммад-Рахим (1864–1910), являвшийся политическим долгожителем, т.к. правил он 46 лет, во взаимоотношениях с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом всячески подчеркивал свое превосходство, не соглашаясь ни на какие переговоры. Когда русские войска заняли Хиву, хан бежал, полагая, что прощен он не будет никогда. Несмотря на значимые кандидатуры претендентов на хивинский престол (дядя и брат хана), К.П. фон Кауфман сделал ставку на действующего главу государства, который, в конечном итоге, и вынужден был подписать договор о вассалитете.

В знак расположения император Александр III в 1883 г. распорядился наградить хивинского хана во время его визита в Санкт-Петербург Орденом Святой Анны I степени с бриллиантами. Эта награда утверждалась за заслуги на государственном поприще, поэтому жест императора можно рассматривать как реверанс в отношении своих вассалов (эмиру бухарскому орден был доставлен в Бухару в этом же году). В 1891 г. последовало награждение хивинского хана орденом Белого орла, являвшимся династической наградой, причем бухарскому эмиру аналогичный знак был вручен два года спустя во время его визита в Санкт-Петербург.

В 1896 г. хан Мухаммад-Рахим прибыл в Санкт-Петербург на коронацию Николая II. 7 мая он и Бухарский эмир Сейид Абдул-Ахад были торжественно приняты императорской четой в Петровском дворце. В честь коронации хан получил бриллиантовый вензель Его императорского Величества Николая II. Кроме того, ему был пожалован титул «Сиятельство»⁶¹.

26 мая 1896 г. туркестанский генерал-губернатор барон А.Б. Вревский обратился к министру Императорского двора И.И. Воронцову-Дашкову с письмом, в котором ходатайствовал о возвращении хивинскому хану Сейид-Мухамеду-Багадурю головного убора, взятого во время штурма ханского дворца в Хиве в 1873 году рус-

⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1336. Л. 1 об.

⁶⁰ Там же. Л. 5, 13.

⁶¹ Там же. Оп. 8. Д. 732. Л. 4.

скими войсками и находящимся ныне в Эрмитаже. Хан видел свою фамильную реликвию в Эрмитаже во время его посещения в 1883 г. и желал бы ее вернуть. Подчеркивалось, что головной убор этот не имеет большой ценности, но для хана представляет бесценную память, т.к. перешел к нему от его предков⁶². В ответном письме И.И. Воронцов-Дашков информировал А.Б. Вревского «О Величайшем разрешении Государя о возвращении сего головного убора»⁶³.

В 1900 г. хивинский хан был награжден Орденом Святого Александра Невского. В этом году наследник хивинского престола Сейид Асфендиар-Тюря во время своего визита в Санкт-Петербург получил орден Святой Анны I степени с бриллиантами, установленный для нехристиан, и вензель Его Величества, также украшенный бриллиантами. Сопровождавшая его свита была награждена золотыми (5 штук) и серебряными (7 штук) часами⁶⁴. В кассу министерства императорского двора было внесено 4 тыс. 216 руб. за доставленные из Кабинета ЕИВ подарки для наследника хивинского хана и сопровождавшим его лицам⁶⁵.

16 сентября 1905 г. в докладе по Главному штабу военного министра генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера была озвучена просьба туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Тевяшева. Последний неоднократно докладывал о своих встречах с хивинским ханом, во время которых он имел возможность убедиться в искренней преданности хана лично императору и Российской империи в целом. Несмотря на не совсем удовлетворительное состояние своего здоровья, Сейид Мухамед-Рахим-хан старается лично следить за спокойствием и порядком в своих владениях и сдерживать по возможности туркменские племена. Указывалось, что большую помощь в управлении ему оказывает наследник Сейид Асфендиар-Тюря. Ввиду всего сказанного туркестанский генерал-губернатор ходатайствовал о награждении хивинского хана портретом императора, усыпанного бриллиантами, для ношения на груди. Наследника хивинского хана предлагалось произвести в чин полковника⁶⁶.

С 1902 г. хивинский хан носил титул «Ваша Светлость». Хотя в этом отношении хан уступал Бухарскому эмиру, носившему с 1896 г. титул «Высочество», однако достоинство «Светлость» было выше дарованного хану «Сиятельства» в том же 1896 г. Последней высочайшей наградой хивинскому хану было производство его в январе 1904 г. в генералы от кавалерии, а наследника – в Войсковые старшины по Оренбургскому казачьему войску. В подлиннике за подписью А.Ф. Редигера от 18 сентября 1905 г. стоит запись «Высочайшее соизволение на испрашиваемое последовало»⁶⁷.

20 сентября 1905 г. начальник Азиатского отдела Главного штаба генерал-майор Ф.Н. Васильев обратился в камеральное отделение Кабинета ЕИВ с просьбой об изготовлении и присылке в возможно непродолжительное время медальона с портретом Николая II, украшенного бриллиантами стоимостью в 5 тыс. руб., для подарка хивинскому хану⁶⁸.

Хивинский хан Сейид-Мухамед-Рахим бывал в Санкт-Петербурге гораздо реже бухарского эмира. Однако он не был обойден монаршей милостью. В 1907 г. он получил бриллиантовые знаки к Орденом Александра Невского, а в 1908 г. ему был пожалован Орден Святого Владимира I степени.

⁶² РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 2130. Л. 1.

⁶³ Там же. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Оп. 8. Д. 411. Л. 11.

⁶⁵ Там же. Л. 12.

⁶⁶ Там же. Д. 901. Л. 2.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. Л. 4.

В отношении подарков хивинскому хану – денег на них отпускалось всегда меньше, нежели Бухарскому эмиру, в случае, когда они пребывали в Санкт-Петербург вместе. Однако на описанном выше заседании Совета министров 28 января 1910 г., где обсуждался вопрос об упразднении подарков, Хивинскому ханству также было уделено внимание, как и на совещании туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. В пространном ответе Министерства иностранных дел говорилось: «В вопросе о Хивинском ханстве, положение которого в значительной степени отличается от положения Бухарского эмирата, МИД присоединяется к принятому в Ташкенте решению и полагает сохранение в отношении этого ханства «статус кво» по тем же соображениям, что и в Бухаре»⁶⁹. В заключение МИД приветствовал меры к прекращению обычая подношения как эмиром бухарским, так и ханом хивинским подарков местной русской администрации⁷⁰.

Удивительно, но оба правителя российских протекторатов покинули этот мир в один год с разницей в четыре месяца. Хан хивинский Сейид-Мухамед-Рахим ушел в мир иной 16 августа 1910 г., скончавшись от паралича сердца. Об этом печальном событии немедленно доложил туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов в телеграмме, где говорилось также о том, что согласно «Высочайшему соизволению» в управление ханством вступил Сейид-Асфендиар-Тюрк⁷¹.

Асфендиар-хан дважды с официальными визитами посещал Санкт-Петербург, причем оба раза они совпадали с визитом бухарского эмира, вероятно, не случайно. Пышные приемы отходили в прошлое, денег в казне не хватало. Экономнее было принимать обоих правителей протекторатов одновременно, при этом на прием хивинского хана денег отпускалось меньше, чем на прием бухарского эмира.

Вот и на встречу хивинского хана 26 мая 1911 г. было отпущено из Кабинета ЕИВ 10 тыс. руб., тогда как на прием бухарского эмира 15 тыс. руб.⁷² Также как во время встречи бухарского эмира порядок встречи в туркестанских городах всецело зависел от туркестанского генерал-губернатора. В губернских городах России генерал-губернаторы должны были наносить визит хану только в случае его длительной остановки в этом городе. А встречать на вокзале хана должны были их представители. В Москве хана должен был встретить штаб-офицер, который препровождал его до столицы. А в Петербурге хана встречал Начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор С.В. Цейль. До представления императору Хивинский хан должен был нанести визиты премьер-министру и некоторым министрам, а также получить ответные визиты. Срок пребывания хана ограничивался 10–14 днями⁷³. Такой порядок соблюдался и в следующий приезд хана в 1913 г.

Министр Императорского двора В.Б. Фредерикс по соглашению с военным министром представил императору список подарков для хивинского хана на сумму 8 650 руб., а также знаки ордена Белого Орла для личного вручения императором 27 мая 1911 г.⁷⁴ Еще в 1910 г. в бытность Асфендиар-хана наследником ему было присвоено звание генерал-майора, а во время визита 1911 г. он был зачислен в свиту Его Величества.

В следующий раз Асфендиар-хан прибыл в Санкт-Петербург в 1913 г. на празднование 300-летия правления династии Романовых. Как уже отмечалось, Бухарскому эмиру был пожалован портрет ЕИВ, украшенный бриллиантами. Военный министр В.А. Сухомлинов интересовался у временного управляющего Министерства

⁶⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 179 об.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. С. 214.

⁷² Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 2–2 об., 10–10 об.

⁷³ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 106. Л. 9.

⁷⁴ Там же. Ф. 468. Оп. 8. Д. 1167. Л. 23.

императорского двора В.С. Кочубея будет ли подобный подарок вручен Хивинскому хану⁷⁵, на что был получен ответ, что Хивинскому хану предполагается подарить настольный медальон, также украшенный бриллиантами⁷⁶.

Всего на подарки хану было израсходовано 8 тыс. 914 руб., для хивинских сановников предполагалось три пары золотых часов⁷⁷. Подарки предполагалось вручить 23 февраля в 10 часов утра, доставив их к Комендантскому подъезду Зимнего дворца с Дворцовой площади⁷⁸. Подарки российским лицам, сопровождающим хана, были вручены за счет военного министерства⁷⁹.

Наряду с подарками Хивинский хан получил от императора титул «Высочество». Таким образом, он был приравнен к статусу бухарского эмира. Вместе с Сейид-Мир-Алимом Асфендиар-хан участвовал в первом богослужении в новой соборной мечети в Санкт-Петербурге, заложенной отцом действующего эмира Сейид-Абдул-Ахадом, о чем с восторгом писала петербургская пресса⁸⁰. Правда, использовать статус «Высочество» хивинский хан в полной мере не успел. В 1914 г. началась Первая мировая война, а в 1918 г. Асфендиар-хан был убит в ходе государственного переворота приспешниками предводителя туркменского племени Джунаид-хана.

Выводы

Итак, визиты правителей российских протекторатов в Санкт-Петербург использовались властью как коммуникативное средство общения. При этом, делая ставку на властные структуры протекторатов, русское правительство всячески расширяло полномочия элиты.

Встречали гостей по высшему разряду. Встречам предшествовали долгие согласования между министерствами Императорского двора, Кабинетом Его Императорского Величества, военным министерством. Министерство иностранных дел не было задействовано в переговорах, в его обязанности входило представление гостей императору. Это может служить свидетельством тому, что владельцев протекторатов рассматривали не как иностранных гостей, а как подданных Российской империи. Несмотря на дорогие подарки, денежные суммы, которые были весьма солидными, и российские награды, зависимость Бухарского эмира и Хивинского хана от Российской империи подчеркивалась, начиная с процедуры встречи. О визитах их, как правило, сообщал генерал-губернатор Туркестанского края, без санкции которого не начиналась процедура оформления встречи.

В 1909–1910 гг. поднимался вопрос об окончательном присоединении Бухарского эмирата и Хивинского ханства к России. На совещании в Ташкенте, проходившем 10–11 августа 1909 г., туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов прямо заявил, что «полное присоединение» этих территорий к России разрешит все вопросы, возникающие между ханствами и империей⁸¹. Однако решение принято не было из-за извечного противостояния МИДа и военного министерства. МИД, опасаясь обострения отношений с европейскими державами, высказался против присоединения. Более того, на заседании Совета министров в январе 1910 г. премьер-министр П.А. Столыпин высказал суждение, что присоединение Бухары и Хивы в настоящее время является преждевременным, фактически тем самым поддержав МИД.

⁷⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1336. Л. 10.

⁷⁶ Там же. Л. 28.

⁷⁷ Там же. Л. 16.

⁷⁸ Там же. Л. 13.

⁷⁹ Там же. Л. 56.

⁸⁰ См. Санкт-Петербургские ведомости. 23 февраля (8 марта) 1913. № 44. С. 3.

⁸¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 173. Л. 193 об.

Именно в этот период появилась в печати заказная работа Д.Н. Логофета «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние», а затем «Бухарское ханство под русским протекторатом»⁸², где он писал о нищенском положении населения в Бухаре, о том, что предводители избалованы русской властью подарками и наградами, о произволе бухарской администрации, которая далека была от мысли совместного существования с Россией. И хотя речь шла о Бухарском эмирате, подразумевалось и Хивинское ханство, отношения которого с Российской империей были более сложными в силу особых обстоятельств, изначально сложившихся между Россией и Хивой.

В обоих протекторатах при владельцах находились контролирующие органы. В Бухаре это был политический агент, а в Хиве – Амударьинский отдел, который играл роль, аналогичную политическому агентству в Бухаре⁸³. Тем не менее предводители протекторатов по иерархии были выше туркестанского генерал-губернатора, поскольку оба были награждены титулом «Высочество», им были пожалованы чины генералов, а эмиру бухарскому еще и звание генерал-адъютанта, и орден Андрея Первозванного. Поэтому, если раньше во времена Кауфмана и чуть позже правители протекторатов лично встречали туркестанского генерал-губернатора во время его визита, то теперь эти полномочия были полностью передоверены чиновникам.

Конечно, коммуникативные приемы во время встреч правителей протекторатов имели определенные результаты, особенно это проявилось во взаимоотношениях с бухарским эмиром Сейид Абдул-Ахадом, довольно часто посещавшим Россию. Контакты бухарской и хивинской элит с представителями российских властей неизменно укреплялись. Инкорпорирование мусульманской элиты в российское общество выражалось в обучении наследников в русских учебных заведениях, приобретении недвижимости в России (дома в Ялте и Петербурге). Однако следует иметь в виду, что речь идет о представителях разного менталитета Востока и Запада, отличающихся подчас диаметрально противоположными представлениями в обыденной жизни. Эти нюансы не могли не отразиться на взаимоотношениях метрополии с ее протекторатами.

С конца 1910 г. под влиянием МИДа в отношении Бухары и Хивы правительство России взяло курс на временное сохранение их фиктивной независимости. Отныне в политике Российской империи в отношении этих вассальных стран на передний план выдвигался вопрос о проведении в них некоторых реформ с тем, чтобы подготовить их к присоединению к России.

Вопрос о присоединении этих территорий к России обсуждался на пленарном заседании Государственной думы 14 июня 1914 г., однако и на этот раз никакого решения принято не было. Рассмотрение данной проблемы было перенесено на осень 1914 г., однако начавшаяся Первая мировая война помешала этому.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.04.2021

References

- Arapov, D.Yu. *Bukharskoe khanstvo v russkoi vostokovedcheskoi istoriografii*. Moscow: MGU Publ., 1981 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Bukharskii emirat perioda protektorata Rossii v trudakh uchenogo-vostokoveda D.N. Logofeta.” *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* 15, no. 4 (2009): 12–17 (in Russian).

⁸² Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909.; Он же. Бухарское ханство под русским протекторатом: в 2 т. СПб., 1911.

⁸³ Почакаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начало XX в. М., 2017. С. 295.

- Dmitriev, S.V. “‘Bukharskie podarki’: starinnyi vostochnyi obychai v kontekste rossiisko-bukharskikh otnoshenii kontsa XIX – nachala XX v.” In *Rakhmat-name: Sb. statei k 70-letiiu R.R. Rakhimova*, 117–129. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Egorenko, O.A. “Zarubezhnaia istoriografiia anglo-russkogo protivoborstva v Bukharskom emirate do i posle ustanovleniia Rossiiskogo protektorata.” *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 2 (2007): 20–24 (in Russian).
- Fioletov, I. “Bukharskoe i Khivinskoe khanstva i otnosheniia ikh s Rossiei.” *Istoricheskii zhurnal*, no. 3 (1941): 68–79 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossii i Bukharskii emirat na zapadnom Pamire (konets XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Khalfin, N.A. *Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaia polovina XIX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Krestovskii, V.V. *V gostiakh u emira bukharского*. St. Peterburg: A.S. Suvorin Press, 1887 (in Russian).
- Logofet, D.N. *Bukharskoe khanstvo pod russkim protektoratom*. St. Petersburg: V. Berezovskii Publ., 1911 (in Russian).
- Logofet, D.N. *Strana bespravii. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoe sostoianie*. St. Peterburg: V. Berezovskii Publ., 1909 (in Russian).
- Maev, N.A. *Ocherki Bukharskogo khanstva*. Tashkent: B. Bezobrazov & K° Press, 1875 (in Russian).
- Nikitenko, G.N. “Khiva pod protektoratom Rossiiskoi imperii.” *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, no. 7–8 (1997): 30–41 (in Russian).
- Perevezentseva, T.V. “Bukharskii emirat pod protektoratom Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka).” In *Istoricheskie issledovaniia: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Kazan mai 2015 g.)*, 13–18. Kazan: Buk Publ., 2015 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. “Politiko-pravovye realii Bukhary v period ustanovleniia rossiiskogo protektorata.” *Vostochnyi arkhiv*, no. 1 (2017): 21–30 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. “Vklyuchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuyu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.)” *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, no. 3 (2016): 172–184 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnii faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentralnoi Azii XVIII – nachala XX v.* Moscow: Izd. dom VShE Publ., 2017 (in Russian).
- Pogorelskii, I.V. *Ocherki ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Khivinskogo khanstva kontsa XIX – nachala XX vv. (1873–1917)*. Leningrad: Leningradskii universitet Publ., 1968 (in Russian).
- Ryabinskii, A.M. “Tsarskaia Rossiia i Bukhara v epokhu imperializma.” *Istoriik-marksist*, no. 4 (1941): 3–25 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Bukharskii emirat v nachale XX v.* Dushanbe: Irfon Publ., 1977 (in Russian).
- Tukhtametov, T.G. *Rossii i Khiva v kontse XIX – nachale XX v.* Moscow: Nauka Publ., 1969 (in Russian).
- Urazmetov, M.T. “Vynuzhdennyi kompromiss khana Khivinskogo (konets XIX v.)” *Molodoi uchenyi*, no. 12 (2013): 766–767 (in Russian).
- Zhukovskii, S.V. *Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie*. Petrograd: tipolitografiia N.I. Evstifeeva Publ., 1915 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Svetlana N. Brezhneva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor at the Department of Russian History of Leningrad State University named after A.S. Pushkin.